

ВСТРЕЧИ
НА
ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЕ

ДОЛГИЙ СВЕТ ЗВЕЗДЫ ВЛАДИМИРА ТАТЛИНА

Владимир Татлин. Автопортрет.

Спешу к ней по Арбату (велено быть скоренько) и представляю мысленно эту женщину в интерьере старомосковской квартиры со множеством картин и книг и саму ее с камеей на кружеве воротника, во власти давних событий и чувств. Александра Николаевна Корсакова сама художник из поколения русского авангарда, начавшегося на заре века, была женой Владимира Евграфовича Татлина, человека, которого по размаху дарований можно сравнить с Леонардо да Винчи. Профессиональный художник, ученый, изобретатель, инженер, он обгонял свое время во всем, за что ни брался. Даже сейчас, в конце века, его «рельефы» — так он называл совершенно необычные предметы из самых разных материалов, по-нынешнему сказать, предметы дизайна — удивляют зрителей своей смелостью и современностью.

Александра Николаевна Корсакова.

Фото Сергея ПОДЛЕСНОВА.

Макет Башни III Интернационала.

И БЫЛ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО старомосковский быт, с картинами, книгами, но явления почтенной дамы так и не случилось. Та, что стояла на пороге уже почти совсем опустевшей, разехавшейся по отдельным адресам арбатской коммуналки, в играх возраста не участвовала: стройная, сильная, в чем-то объемном, модном. Да и сколько, спрашивается, лет человеку, чьи картины просят сейчас для оформления программы брейка?

Рассказывает о себе, сегодняшней. «Хочется по максимуму использовать зрелый возраст. С каждой высоты — новое видение, да и смыкается уже круг начала и конца времени моего поколения, надо спешить. Я была моложе большинства русских авангардистов — Татлина, Филонова, Малевича, Лентулова, Экстер, Поповой и других, пережила их, но всех знала».

Говорим о Татлине, о вновь вспыхнувшем интересе к нему. Почему? «Время притягивает время. Мы в поисках сильных личностей сейчас, вне рутин и косности. Татлин таким и был — личность крупная, сильная, независимая от конъюнктуры. Он верил в ум, руки и сердце человека, другой веры не исповедовал никогда».

МЫ ПРОЖИЛИ вместе десять лет, до самой его смерти в 1953 году. Отравленное время, казалось бы, головы не высунуть с чем-либо необычным, сразу объявят «косполитом» со всеми вытекающими

отсюда последствиями. И многие художники подвергались такому образом как бы сплющиванию, прятали свои мысли и свои работы в дальние углы. А Татлин — черта с два! Он никого и ничего не боялся, ему и в голову не приходило прятаться или приспособливаться. Работал одержимо, создавал сценографию спектаклей, и пьесы, часто скучные, держались лишь за счет его оформления. Его театральные рисунки и сейчас во многих музеях. Ну а если перерыв в театральной работе, брался за что-то еще — ученый же, изобретатель, «золотые руки». Выгибал дерево, например, испытывал его возможности для корабелов. Он любил дерево, чувствовал его биологию, дерево ведь и в предметах живет долго-долго, не умирает, дышит.

От него шарахались, своей прямоотой он мог навлекать неприязнь. Бывало, заметит его кто-то из художников с улицы и прячется за шторой. А Татлин хохочет: смотри, завершился, как желтый лист на дереве. В бильярд играл первоклассно и специально зывал играть тех, кого обыгрывать по всем житейским понятиям не следовало бы. Обыгрывал, злил ужасно, но в поддавки — это уж ни с кем никогда и ни в чем.

Ужились мы с ним потому, наверное, что оба — совершенно несемейные люди. У меня до сих пор холостяцкие — так, что ли, их назвать, взгляды, хотя люблю гостей, наряды. Но когда занимаешься искусством и всерьез, тут

выбирать приходится — или все или ничего — иначе не получится. А Татлин не смог бы пережить рядом человека, который бы подробно занимался искусством. Я до сих пор работаю взахлеб, помужски, и это тоже от Татлина. Учителем он для меня не был, нет. Само его присутствие, отношение к работе становилось для всех, кто рядом, школой высокого и тонкого понимания задач искусства.

ТАТЛИН был революционером во всем, за что ни брался. У него было истинно новое мышление. Его другом и духовным братом был поэт Хлебников. Хлебников сумел раззять и по-своему соединить русский язык. Татлин разнимал и соединял заново материальное: металл, стекло, гудрон, дерево, картон, открывая в общеизвестном совершенно новые стороны. Проблема сопротивления материалов решалась у него словно сама собой. Он писал, что революция усиливает импульс изобретения и что расцвет искусств бывает вслед за революцией. Так оно и было, только недолго, к сожалению.

Его шедевр, точнее один из шедевров, — летательная конструкция, крылатый дизайн такой безукоризненной красоты и технической точности, что это деревянное чудо действительно полетело. Где-то уже после войны, незадолго до своей смерти, Татлин выступал в одном из клубов ДОСААФ, рассказывал и показывал свою Летатлину — так назывался этот аппарат для свободного

парения. Летчики поняли его, поняли, что художественная мысль и точный расчет способны совершить чудо. Они несли его к выходу на руках. Это был триумф Татлина.

Ну и Башня, конечно, его шедевр. Может быть, помните — она стояла в центре главного зала на выставке «Москва — Париж», 1900—1930», недавней, уже в восьмидесятых годах. Макет, конечно, высотой всего метров в пять. А задумывалась «Башня до небес» высотой в четыреста метров. Татлин словно вызов бросал Вавилонской башне, которая раздражала его своей скукой и статичностью, пылью библейских грехов и времен. Башня III Интернационала — с чередованием вращающихся и неподвижных частей, по его замыслу, должна была служить символом прогресса, разума и новых отношений людей мира, их с единенности.

Проект этой Башни вошел во все учебники современной архитектуры.

Существует богатое наследие и Татлина, и его единомышленников, друзей. И у меня есть рисунки времен общей молодости и поздние — все это разошлось по разным музеям, частным архивам, но однажды соберется, и получится портрет искусства авангарда первой трети века, его начала, расцвета.

ЭТО БЫЛА ПЕСНЯ, просто песня, все распелось.

Сколько же было энергии, энтузиазма! Морковный чай, хлеб черный с занозами какими-то, торчащими палками, одежда в одном экземпляре на все случаи жизни, а были счастливы. Словно в горячке пребывали, словно чувствовали, что скоро уже сбудется пророчество Блока: «О если б знали, дети, вы тот холод, мрак грядущих дней»... Ни выставок, ни слова в печати, вообще нигде ни слова, словно исчезли, ушли на дно, как град Китеж. Но себе не изменяли, никто не ушел в конъюнктурное, в придворное. Продолжали быть внутренне свободными, преданными своей и творческой, и человеческой идее.

Почему я уверена в долгой жизни искусства авангарда? Потому что в нем есть острота настоящего. Ведь что интересно в искусстве? Качественно новый взгляд художника, его обновленное восприятие жизни. Дотронуться, собственной рукой коснуться подлинной жизни — природы ли, человека, дня, века, истории. Смотрите, художник Лентулов — какие храмы русские выпустил в белый свет. Сумел дотронуться до архитектуры древности так, что у зрителя тысячелетняя побелка на пальцах. Или Попова. Она занималась костюмом, касалась не ткани,

не пряжи — хотя и ткала, и прядла сама, — касалась самого хода жизни русских женщин, от века...

ГОДЫ ЕДИНОВЕРИЯ в искусстве, торжества официального принесли много вреда. У Мандельштама есть строка: «Мое дыхание, мое тепло на стекла вечности легло». Художник не может не стремиться к непохожести, единственности своей. К неподрожательности. Если что-то делается кому-то в угоду, это уже подражательность. Произошла очень большая порча. В первую очередь массового вкуса. Ведь как обстоит дело? В каждом человеке в большей ли — меньшей степени заложено художественное начало, об этом еще Пушкин говорил. Он способен сам отличить хорошее от плохого, но при том условии, что его не тянут с детства за шиворот — вот сюда смотри, а туда не надо. А у нас с картинок в букварях происходит именно это, и вкус съезживается, если вообще не отбивается начисто. И мертвое, скучное искусство понемногу начинает нравиться. А искреннее, живое, горячее — вызывает недоумение своей «неправильностью».

Пострадала и художественная школа в целом, это особенно заметно по молодежи. Есть очень талантливые молодые люди, но они не разбужены пока. Лет через десять, я думаю, начнется их работа по большому счету, если не прервется живое дыхание времени.

Я верю в перемены времени. Вот мы же с вами сидим, разговариваем на темы, которых ни десять, ни пять, ни даже года два назад не принято было трогать. Не так ли?

А самое главное, раскрепощается сознание у людей, потому что уходит категоричность, нетерпимость, губительная для искусства директивность, исходящая от тех, кто, как правило, в нем не силен. Все больше выставок — незапланированных, стихийных, пусть не все там прекрасно, важно — начать. Начали ведь — и это добрые перемены.

Что касается моей работы, то выставки у меня случались и в застойные годы. Считалось, что моя работа непонятна массам, но людей на них приходило достаточно. Сейчас предложили устроить выставку в Дюссельдорфе — через галерею Маяковского, существующую в ФРГ.

Считаю, что жизнь прожила счастливо. И по течению обстоятельств, и по смыслу, и по итогам. Делала и сделала то, к чему была призвана. И к чему призвали своей жизнью люди из моей баснословно богатой молодости».

Записала
Наталья КРАМИНОВА